

Моцарт В.-А.
(жанры)

15.09.94.

На милосердие не рассчитывайте

Газета - 2003 - 15 сент. - с. 7

Илья КУХАРЕНКО

Одной из важных премьер Зальцбургского фестиваля 2003 стала опера Моцарта «Милосердие Тита», поставленная, как и прошлогодний «Дон Жуан», любопытным тандемом — молодым режиссером Мартином Кушеем и блюстителем старинных традиций дирижером Николаусом Арнонкур.

Опера «Милосердие Тита», написанная Моцартом одновременно с «Волшебной флейтой», скроена по законам вымирающей опера seria и не вписывается в ряд поздних моцартовских шедевров. Но несмотря на сюжет из римской жизни, неприменные выходные арии для примадонн и кастратов, в La Clemenza di Tito есть то тревожное и трагическое ощущение надвигающейся катастрофы, которое сопровождало композитора в последние месяцы жизни. Спектакль Кушея насквозь пропитан именно этим ощущением — все остальное казалось в нем второстепенным, хотя и занятым.

Огромная сцена Фельзенрайтшуле была превращена в четырехъярусную бетонную конструкцию — строящийся офис или супермаркет. Холодный фирменный кушеевский свет — от слепяще-белого до матово-синего. Единственная отделанная комната, императорские покои, — с черным мрамором. На кровати в течение всей увертюры восковой статуей сидел император Титус в смешной парчовой юбке, надетой поверх цивильных брюк, а в бетонных кельях появлялись полураздетые ребяточки — символами детской беззащитности милосердного государя. Затем в мраморную залу заходили бесцеремонные туристы-хористы и начинали петь хвалу восковому владыке.

Кроме Тита и его верного стража Публию, никто больше в этом спектакле не надевал ничего старинного. Да и вообще костюмы «играли» только у коварной и амбициозной Вителлии, которая постоянно хотела соответствовать изменчивой ситуации и, чуть что, сбрасывала с себя неподходящее по цвету платье, оставаясь в роскош-

ном negligé. С фигурой у Доротеи Решманн все в порядке, а вот голоса могло быть и побольше.

Медлительность Арнонкура, словно в лупу рассматривающего партитуру Моцарта, здесь была уместнее, чем в «Дон Жуане», — у «Тита» нет такой внушительной исполнительской традиции, да и арий в старинном стиле значительно больше, а в них от анемичности маэстро не оставалось и следа. Вместо заболевшего Михаеля Шаде сложнейшую партию Тита блестяще исполнил Курт Штрайт, заслужив благодарную овацию публики.

Главной звездой спектакля стала знаменитая болгарка Весселина Казарова в брючной партии Сесто, который предаст и даже пытается убить друга-императора ради любви, а затем поджигает Капитолий. Красивое печальное лицо болгарской дивы и роскошное колоратурное меццо были здесь как нельзя кстати. Не меньшие аплодисменты достались и молодой латвийской певице Элине Гаранча в роли Аннио. Гаранча уже полгода значится в ансамбле Венской оперы и, если будет петь так же, как в этом спектакле, скоро станет настоящей примадонной.

Двусмысленные и страстные однополюсные объятия (женщины играют мужчин и тискают женщин), бурные выяснения отношений — все, что занимало публику в первом отделении, оказалось забыто после сцены пожара. Удушливый дым, бегающие бандиты с горящими факелами, задыхающиеся в конвульсиях статисты и, наконец, оркестровое сопровождение словно очнувшегося из летаргии Арнонкура заставляли зал па-

никовать не на шутку. В этом хаосе было, однако же, хорошо видно, как происходило убийство лже-Тита, как страдала Вителлия в поисках Сесто, как радовались Сервилия и Аннио, нашедшие друг дружку. Вместе с финальным аккордом на верхней галерее произошел жуткий взрыв с грохотом и пламенем, которое дохнуло теплом по лицам публики.

Во втором акте зрителей встретило пепелище — бетонную конструкцию очень натурально закоптили. Разруха создавала гнетущее ощущение разбитых вдребезги надежд не только на дальнейшее счастье, но и на элементарную цивилизацию. Однако мечущиеся по этажам, сажающиеся в раковину вместо кресла, чумазы, отчаявшиеся клерки-придворные всем своим поведением демонстрировали, что главная катастрофа еще впереди. Никакому милосердию Тита не спасти мир. Несмотря на то что в финале император «все знает и всех прощает», Кушей явно сомневался в пользе хваленной толерантности. В финале на столах, за которыми рассаживались статисты в черном, то ли в качестве блюда, то ли учебного пособия лежал беззащитный маленький мальчик.

В 1976 году именно в Зальцбурге впервые за долгие годы вспомнили про эту оперу и открыли ей дверь на оперные подмостки. Уверен, что секрет успеха той постановки Джеймса Ливайна и Жан-Пьера Поннеля крылся не в гениальной режиссуре или дирижерской трактовке — судя по видео, ничего такого там не было, да и среди певцов блистала только великая Татьяна Троянос в роли Сесто. Но тогда «Милосердие» попало в некую болевую для Европы точку, оказалось созвучно идее всепрощения и всеотерпимости, только начинавшей набирать силу. Сейчас Кушей и Арнонкур вновь ткнули в этот нерв острым предметом, но восторгом эти болевые ощущения никак не назовешь.

Доротея Решманн в роли коварной и амбициозной Вителлии в самом деле могла соблазнить кого угодно
Фотограф: Хансйорг Мишель

